

УДК 316.722

МИХАИЛ ЛОЩИНIN,

эксперт Центра социальных экспертиз Института социологии НАН Украины, Киев

ЮРИЙ ПРИВАЛОВ,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальной экспертизы Института социологии НАН Украины, Киев

ЮРИЙ САПЕЛКИН,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной экспертизы Института социологии НАН Украины, Киев

Этические критерии цивилизационного выбора

Введение

Под цивилизационным выбором мы понимаем наиболее общие и наиболее долгосрочные ориентиры (установки, цели) во внешней и внутренней политике, добровольно или принужденно (в силу стечения обстоятельств) выдвигаемые и реализуемые элитой, лидерами, руководством государства. Исторически важные действия государственных лидеров, направленные в сторону этих ориентиров, распространяются затем на все общество, преломляясь в множестве актов взаимно независимых и “случайных” социально-экономических отношений. Можно говорить, что субъективные действия лидеров вступают во взаимодействие с объективными условиями. Как будет результат согласованности или противостояния субъективного и объективного? Чтобы надежно ответить на этот вопрос, сама гуманитарная наука должна отчетливо различать категории объективного и субъективного при восприятии, описании и моделировании феноменов общества. Однако именно этот аспект надо признать недостаточно развитым. Немало (если

не большинство) исследований в сфере социологии и, особенно, в экономической науке направлены не на изучение того, как множество актов взаимно независимых случайных отношений в обществе складываются естественным (случайным, стихийным) образом, а на изучение планов, механизмов и результатов субъективного вмешательства властных персон в общество и экономику. Специалисты заняты по большей части обоснованием попыток изменения общества (и экономики) в заданном направлении. В гуманитарной науке преобладает, так сказать, “эддисоновское” или “мичуринское” преобразующее отношение к социальной реальности. По этой причине накоплено мало информации об объективном устройстве общества, но весьма богат опыт социально-экономических экспериментов, прежде всего неудачных. В силу указанных обстоятельств мы намерены максимально опираться на социальную эмпирику и верифицируемые модели.

Эмпирические и теоретические заделы, созданные нами в ходе предыдущих поисковых работ и академических исследований, позволяют углубить понимание цивилизационного выбора. Речь идет об оценке масштаба социальных действий, нацеленных на цивилизационный разворот общества. Возможность решить эту задачу появилась у нас на основании теории социального капитала (подробнее см.: [Соціальний капітал, 2016: с. 157–219], которая позволяет выразить количественные оценки “социальной мощности” отдельных людей. Кроме того, мы могли бы попытаться оценить риски цивилизационного выбора вдоль социальной вертикали, используя разработанные ранее теоретические модели социальных рисков для социально неоднородного общества [Лоцинин, 2004: с. 271–333]. Выполненное нами моделирование персональной ответственности [Соціальний капітал, 2016: с. 163] прогнозирует ее историческое убывание. В то же время наша модель универсальной ответственности [Привалов и др., 2016: с. 296] предполагает ее исторический рост. Рост ответственности обоих типов социально позитивен, поэтому разнонаправленные тенденции выводят нас на новое понимание социальной эволюции как последовательности фаз, несопоставимо разных по совокупности социальных характеристик. В последние годы публиковались исследования, указывающие на множественные социальные негативы, возрастающие в ходе эволюции человечества. В качестве примеров сошлемся на известную книгу авторитетного американского социолога Д.Белла “Грядущее постиндустриальное общество” [Белл, 1999: с. 493–664], а также на недавно изданную книгу израильского социолога Ю.Харари, всецело посвященную феномену этической неоднозначности социальной эволюции [Харари, 2018]. В итоге мы склонны усомниться в традиционной интерпретации социальной эволюции как восхождения “от несовершенного к совершенному” и в этой связи могли бы предложить альтернативное понимание цивилизационного выбора. Наконец, многолетнее изучение феноменов объективной социальной неоднородности [Лекарь, 2011; Лекарь, 2007] привело нас к признанию отсутствия единства этики вдоль социальной вертикали [Лоцинин, 2004: с. 330]. На этом фоне мы могли бы развить этику самых крупных социальных действий, совершаемых лидерами национальной иерархии в ходе цивилизационного выбора. Именно последняя задача как наиболее сложная и наименее изученная проблема этического критерия привлекла нас в качестве предмета данного исследования. Итак, какой цивилизационный выбор хорош, а какой плох?

Разумеется, в ходе нашего исследования мы рассмотрим множество феноменов, сопутствующих решению проблемы этики цивилизационного выбора. В силу принципиальной новизны нашего восприятия ряда хорошо известных парадигм социологии хотим обратить внимание коллег и оппонентов, что авторы не считают себя носителями научной истины и намерены лишь к ней приблизиться. По этой причине предлагаемые материалы подготовлены с надеждой на последующие дискуссии.

Две проблемы этики цивилизационного выбора

Цивилизационный выбор предполагает наличие воли (со стороны какой-либо властной персоны или группы властных лиц — президента, премьера, кабинета, парламента, политических партий, социальных или профессиональных групп) и разновариантность выбора. Цивилизационный выбор предполагает также взаимодействие управляющей воли с социальной средой и последующую этическую оценку выбора (хороший или плохой, адекватный или неадекватный), которую, по-видимому, можно сделать путем сопоставления совершенного выбора и объективно протекающих социальных процессов.

Во введении мы упомянули категории волевых субъективных социальных действий выдающихся лидеров, с одной стороны, и огромный по масштабам поток взаимно независимых социальных взаимодействий, с другой стороны. Второе, как мы предполагаем, отражает ход социальной эволюции и составляет ее объективный аспект.

Цивилизационный выбор является последовательностью политических, социальных, культурных (и других) однонаправленных актов — исторических событий. Эта последовательность на продолжительном интервале времени приводит к изменениям эволюционного масштаба. В дальнейшем мы попытаемся предложить критерий трансформации исторических событий в события эволюционные, но в данном случае нас по-прежнему интересуют этические оценки.

Если признать, что социальная эволюция происходит объективным образом, то есть не зависит от воли и интересов отдельных людей и даже от воли и усилий больших групп людей, то нам придется преодолеть несколько крупных методологических трудностей. Главное, нам необходимо понять, как непротиворечиво сочетать очевидную в наше время свободу воли и произвольность действий каждого отдельного человека (и рядового, и выдающегося), с одной стороны, и объективное течение наиболее общих социальных, экономических и т.п. процессов, с другой стороны; какие характеристики социального процесса могут быть объективными, а какие нет; насколько свободна воля человека на фоне объективной социальной эволюции; как объединить необъединимое — свободу выбора любого человека (в т.ч. исторических личностей) и предопределенность течения социальной эволюции.

Такого рода неясности, как нам представляется, становятся первой проблемой этики цивилизационного выбора, поскольку применение этических норм может быть радикально разным в отношении субъективного и объективного. Фактически решение данной проблемы предполагает рациональное соотнесение роли личности в истории и отсутствия решающего влияния личности на социальную эволюцию. Возможно ли их сочетание и чем исто-

рия человечества отличается от его эволюции? Отметим теоретическую остроту ситуации: мы фактически прикоснулись к проблеме особого статуса социального знания и попытаемся предложить проект ее решения.

Наверное, нет принципиальных проблем для этических оценок субъективного: действия отдельных людей традиционно регулируются моральными нормами и правом, но и в этом случае объективные предпосылки моральных норм и законов было бы важно отследить и сформулировать теоретически. Однако нас сразу ожидают существенные трудности, если попытаться дать этические оценки тому, что происходит объективным путем, помимо воли людей. Естественно, речь не идет о том, хорош или плох закон всемирного тяготения Ньютона или закон Ампера о протекании тока через резистор. Другое дело — закон Парето о степенном распределении богатых участников общества по ресурсам любого типа. И в этом случае неясности подобного рода, как нам представляется, становятся второй проблемой этики цивилизационного выбора, поскольку предполагают применение этических подходов для оценки объективных социальных феноменов.

Проблема свободы воли в условиях объективной эволюции

Вправе ли мы ожидать объективной информации от социологии и экономической науки? С одной стороны, гуманитарные науки очевидно обращены к непредсказуемому миру персональных восприятий и персональных действий, в частности социально-экономических. С другой стороны, если отказаться от объективного в социологии и экономическом знании, то придется отказаться от ценности этих наук: любая наука изучает прежде всего объективное, даже если она изучает сновидения и веру. Именно в силу знания об объективном каждая конкретная наука обладает своими главными достоинствами — она предсказывает дальнейший ход начавшихся процессов и обнаруживает новые явления. Того же мы должны ожидать от объективного гуманитарного знания — оно должно предсказывать и открывать новое. Что может предсказать знание, основанное на решениях парламентов и кабинетов министров или на мнениях респондентов и авторитетных персон? Сегодня в кабмине договорились об одном, а завтра передумали и вотировали другое и т.п.

Например, категории и величины “минимальной зарплаты” и “прожиточного минимума”, принятые во многих развитых странах в результате политической борьбы и компромиссов, не имеют фундаментального смысла и интересны только как критерий предоставления социальной помощи в рамках возможностей бюджета. Еще один пример нефундаментальной категории — концепция “среднего класса”, имеющая широкое распространение в гуманитарной публицистике. Характеристики нашего среднего класса спустя четверть века мы так и не можем выделить по объективным критериям. Как же сочетать очевидную индивидуальную непредсказуемость и, предполагаемую, предсказуемость социальной эволюции?

В поисках выхода из данного познавательного тупика оглянемся на похожие проблемы, с которыми сталкивались философы и специалисты естественных наук, а также социальная практика. Например, проблема свободы воли в религиозном сознании: если и волос не упадет с головы без воли Божьей, то в чем состоит свобода воли человека действовать и в чем его от-

ветственность за свои действия? Промысел Божий здесь выступает в той же миссии, как и объективная реальность в нашей теоретической схеме. Могут ли применяться нормы этики к действиям людей, если все предопределено волей Божьей? Могут ли применяться нормы этики к действиям людей, если процессы в обществе протекают объективно и в целом предопределены?

Проблема свободы воли в иудаизме, христианстве и в исламе осознавалась одновременно со становлением этих вероучений и вызывала острейшие дискуссии вплоть до средних веков. Статья “Свобода воли” в Новейшем философском словаре [Ждановский, 2003: с. 881–882] показывает картину долгой общеевропейской полемики. Среди непримиримых ее участников называют сторонников свободы воли людей (Пелагий, отчасти Августин и Фома Аквинский, Эразм Роттердамский) и ярых сторонников догмата о Божественном предопределении (Мартин Лютер, Жан Кальвин). К нашему времени споры о свободе воли уже утратили остроту, но не потому, что было найдено решение проблемы, а потому, по-видимому, что их бесплодность утомила философов. В современной литературе чаще можно найти уравновешенные и даже равнодушные описания дискуссий о свободе воли, среди участников которых аналитики склонны упоминать имена полемистов “второго плана”, погрязших во многочисленных нюансах проблемы — Ансельма Кентерберийского, Бернара Клервоского, Дунса Скота и др. (сошлемся на изложение истории этики: [Гусейнов, 2003: с. 527–549]).

Откровенно упрощенно проблема свободы воли в христианстве изложена в Википедии: “Для общего церковного сознания христианства изначально было одинаково важно сохранить в неприкосновенности оба утверждения: что все без изъятия зависит от Бога и что нечто зависит от человека. Согласование этих положений было всегдашней задачей богословов и христианских философов, вызвавшей множество разных решений и споров, иногда обострившихся до вероисповедных разделений” (см. статью “Свобода воли в религии” в Википедии). То есть мы можем заключить, что категории Божьего промысла и воли человека, избранные для диалектического сопряжения, оказались слишком антагонистичными. Нам важно, что проблема соотношения персональной воли и внешней (божественной или объективной) предопределенности в рамках теологии и философии не решена таким образом, чтобы послужить прямой подсказкой в наших поисках.

Между тем социальная практика не могла не решить по-своему проблему этики: внешняя предопределенность или необходимость формулируется как совокупность законов и этических норм, и свобода воли людей ограничивается этой совокупностью. Примерно так понимал нормы этики И. Кант в “Критике практического разума” [Кант, 2018: с. 145–360]. Практический разум в этике Канта рассматривается в качестве источника принципов морального поведения — “этики долга”. Совокупность писанных и неписанных моральных норм Кант называл “гипотетическими императивами”, а совокупность законов — “категорическими императивами”, причем обе эти повелевающие категории Кант полагал объективными. Персональные моральные установки Кант называл “максимами” и полагал субъективными. Таким образом, в этике Канта вполне определенно противопоставлены объективные и субъективные сущности, что важно и в нашем исследовании. Современное понимание соотношений категорий закона, морали и персональных установок мало отличается от представлений Канта. Вполне

актуальной можно считать позицию Канта о соотношении свободы выбора и этических норм. Напомним его хорошо известную фразу: “если не было бы свободы, то не было бы в нас морального закона” [Кант, 2018: с. 147]. Однако, в отличие от Канта, в контексте нашего исследования мы не склонны акцентировать различие категорий закона и морали, полагая их взаимно обусловленными и одинаково “императивными”. Не акцентируем мы и роль веры (религии) в создании и укреплении социальных императивов — традиций (обычаев), морали, законов. Более того, мы осознаем, что в ментальности населения немецких княжеств XVIII века категории закона и христианской морали были намного более императивными, чем для современного населения ФРГ. То, что было надежнейшей опорой этики в XVIII веке, легко подвергается сомнению в веке XXI.

Подчеркнем, что в реальной социальной практике императивность законов и морали очень жестко ограничивает персональную свободу выбора — вплоть до изгнания, пожизненного заключения и смертной казни индивида. Это не значит, что аморальные и противоправные действия людей исчезают вовсе, но это значит, что они минимизируются по числу и масштабу, становясь менее вероятными и менее значительными. С течением времени этические нормы и законы меняются, и в каждый новый момент исторического времени в обществе формируется новое равновесие свободы воли и объективных ограничений. Отметим нечто важное: объективные ограничения свободы воли в каждой стране исторически (за достаточно большие промежутки времени) становятся все менее жесткими.

Интересно узнать, как проблема индивидуальной неопределенности (множественности индивидуальных альтернатив) и предопределенности обобщенных характеристик (непреложности общих законов) представлена в естествознании, прежде всего в ядерной физике, где их контраст наиболее яркий. Гуманитарии нередко полагают, что в сферах естествознания применяются точные законы, а в сферах гуманитарных наук никакие точные соотношения не могут иметь места. Сошлемся на мнение Л.Мизеса [Мизес, 2001: с. 67–72]) и приведем пару цитат. Первая: “... Естественные науки, направляемые их необходимым априорным детерминизмом, предполагают, что закон должен проявлять себя в каждом индивидуальном случае, и делают обобщения с помощью того, что называется индуктивным выводом” [Мизес, 2001: с. 71]. Вторая: “Еще никому не удавалось поделить разных людей на классы, каждый член которых ведет себя в соответствии с одной и той же моделью” [Мизес, 2001: с. 72].

Такого рода представления, став со временем общепризнанными, послужили основанием отдаления экономической и социальной наук от естествознания и отнесения их к группе особых, гуманитарных, “неточных” [Мизес, 2001: с. 72–73].

По нашему мнению, и восприятие естественных наук как “точных” не является исчерпывающим, и присоединение экономического и социального знания к общему строю объективных “стандартных” наук вполне возможно. Так, в первой трети XX века в физической науке происходило революционное изменение представлений о физическом мире — появилась квантовая механика (см., в частности, книгу Ш.Глэшоу “Очарование физики” [Глэшоу, 2002] и книгу В.Горбачева “Концепции современного естествознания” [Горбачев, 2003]). Согласно новым представлениям, микрочастицы не об-

ладают жесткой локализацией в пространстве и во времени и характеризуются не координатами, а плотностью распределения вероятности. Образно говоря, вместо жестких и предельно малых “шаров” они оказываются протяженными “облаками”, “возмущениями”, “волнами”. Характеристики ансамбля микрочастиц (атомов, молекул, электронов, протонов, нейтронов, электронов, мезонов, фотонов и т.д.) могут быть рассчитаны и измерены только как средние величины. Относительная погрешность расчета, измерения и поддержания средних характеристик ансамблей микрочастиц в настоящее время весьма велика и может достигать 10–15, но может быть и еще лучше. Никогда прежде физика не была столь точной, как после признания индивидуальной неопределенности характеристик участников таких статистических ансамблей. Именно средние значения характеристик подпадают под действие тех “точных” законов физики, которыми так склонны восхищаться гуманитарии. Эти законы становятся особо жесткими, если имеют место резонансы и квантования.

В то же время индивидуальные характеристики микрочастиц, как мы упомянули, могут иметь весьма широкие отклонения. Совокупность этих индивидуальных отклонений, рассматриваемая как распределение плотности вероятности, подпадает под действие различных законов о распределениях и статистиках, названных в честь их первооткрывателей — Гаусса, Пуассона, Гиббса, Больцмана, Максвелла, Эйнштейна, Планка, Ферми, Дирака и т.д. Известны пары сопряженных характеристик микрочастиц (энергия и время, координаты и импульс), для которых попытка точного определения одной характеристики приводит к растущей неопределенности другой согласно соотношению неопределенностей Гейзенберга. Популярна формулировка этого феномена как “корпускулярно-волнового дуализма”: каждая микрочастица является одновременно и локализованной частицей, и нелокализованной волной. Физической науке известны и получили теоретическое описание “волшебные” феномены индивидуальной неопределенности. Например, микрочастица может одновременно пройти через две близкие щели в плоском экране, может на малое время нарушить закон сохранения энергии, заняв соответствующую малую порцию энергии у пространства или у иной микрочастицы или отдав им на время эту малую порцию, а затем восстановив баланс в другое время и в другом месте. Чем больше нарушение закона сохранения энергии, тем на меньшее время оно позволено. Чем больше нарушение закона сохранения импульса, тем на меньшем участке пространства оно позволено.

Становление новых взглядов физиков на объективное и закономерное происходило с большими трудностями. Некоторые видные специалисты (например А. Эйнштейн) до конца жизни не смогли смириться с вероятностным описанием, полагая его недостатком квантовой теории, а не следствием особой природы микромира. Они надеялись, что дальнейшие успехи физики приведут к созданию еще более глубокой теории, которая вернет детерминистское описание. Здесь мы можем сослаться на переписку Эйнштейна и Борна и широко известное выражение Эйнштейна “Бог не играет в орла и решку” — великий физик полагал, что на каком-то высшем уровне понимания микроматерии не может быть вероятностей [Франк-Каменецкая, 1971]. Современная физическая наука за прошедшие сто лет торжества квантовой теории укрепила в вероятностной парадигме. Новые концепции естест-

вознания потребовали модификации представлений о результатах познавательного процесса и об отношении к дискредитированному знанию. В частности, критерий фальсифицируемости, который развивал К.Поппер [Поппер, 2002: с. 84–85], следует воспринимать в широком смысле: локальное в пространстве и во времени отклонение от закономерного уже не может быть признано его опровержением. Приходится сожалеть, что Л.Мизес, который был всего на два года моложе А.Эйнштейна и прожил заметно дольше, не разглядел, что естествознание за годы его жизни фактически освоило ту методологию, которую он предполагал для гуманитарных наук. Фигурально выражаясь, именно естествознание в XX веке приобрело вдохновляюще эстетичную гуманитарность. В то же время объявленная гуманитарность экономической и социальной наук оказалась крепостной стеной, посредством которой гуманитарии успешно защищали свою автономную отрасль от междисциплинарных идей на протяжении целого столетия.

Оглядываясь на опыт естествознания, мы можем уже смело соглашаться с тем, что объективные характеристики следует искать прежде всего как средние величины по большим социальным, экономическим и т.п. группам (“ансамблям”), в то время как индивидуальное поведение людей подвержено значительным случайным отклонениям и регулируется нормами этики и права, а также иными (в том числе объективными) закономерностями. В больших базах соответствующей информации им будут соотнесены широкие распределения. Например, уже обнаружено распределение типа Гиббса-Больцмана для участников правого крыла среднедоходной группы населения в США [Dragulescu, 2001]. Нам не следует бояться ненаучности или неточности “дуального” описания социальных субъектов, напротив, именно дуальное описание может оказаться и самым содержательным, и самым точным. Подводя итог сравнительному анализу гуманитарной и естественнонаучной отраслей объективного знания, надо признать надежное отсутствие принципиальных различий между ними. То, что столетие назад казалось непреодолимой стеной, в наше время воспринимается как ничтожное препятствие.

Итак, решение обозначенной выше проблемы о соотношении субъективного и объективного в социологии и экономической науке нам представляется как признание естественной неопределенности индивидуальных характеристик в сочетании с естественной предсказуемостью средних характеристик. Последние становятся теми “объективными данными”, которые социологи и экономисты могут считать результатами анализов и прогнозов. Отметим, что нет оснований отказываться от применимости эргодической гипотезы матстатистики [Корн, 1973: с. 591–592] в социально-экономических исследованиях. Напомним, что эта гипотеза объявляет эквивалентными усреднение по времени характеристик одного участника равновесного ансамбля и одномоментное усреднение по равновесному ансамблю характеристик всех его участников. Например, нет возможности утверждать, что доход какого-то работника обязательно пропорционален накопленным им знаниям и навыкам. Однако если мы одномоментно рассмотрим сразу много рабочих или одного работника в течение продолжительного времени, то линейная связь дохода с квалификацией и опытом (человеческим капиталом) становится тем надежней, чем больше людей оказалось в равновесной выборке или дольше время наблюдения одного человека. Чем больше сил,

времени и средств человек затратил на свою подготовку к труду, тем выше его доход и шире список возможных профессий.

Проблема этической оценки объективной эволюции

Есть некоторая надежда на позитивное решение задачи об этике цивилизационного выбора как крупномасштабного социального действия влиятельных персон и политических сил, если мы условимся негативными называть те их действия, которые происходят не в согласии с главными тенденциями объективной социальной эволюции и тормозят их. И наоборот, позитивными мы могли бы называть те крупномасштабные социальные действия цивилизационной значимости, которые направлены на ускорение главных тенденций объективной социальной эволюции. Не попытаться ли нам найти здесь императивы и опереться на них для выработки критериев этики? Потребность в обращении к основным тенденциям социальной эволюции связана с тем, что мы хотим дать этическую оценку крупномасштабным социальным действиям, воплощающимся в выборе.

Пожалуй, нет таких объективных процессов в обществе, которые могли бы получить однозначно позитивную этическую оценку. Например, в ходе социальной эволюции исторически возрастает свобода выбора — свобода по Сартру и в некотором смысле по Руссо (ссылаемся на их интерпретаторов: [Стрелков, 2004а, б: с. 749–751; 742–744]). По нашему убеждению, свобода выбора способов создания среднего дохода — это главная свобода в современных индустриальных обществах. Объективной причиной роста такого рода свободы выбора является исторический рост среднедоходного населения больших городов — той социальной среды, где реализуется свобода выбора подавляющего большинства индивидов.

Однако если свободу выбора не ограничивать, то она может как угодно расшириться — вплоть до свободы производства и продажи наркотиков, свободы торговли оружием и свободы экстремизма, свободы порнографии и проституции, свободы теневого рынка и контрабанды, свободы подделок и фальсификации, вымогательства и подкупа. Заметим, что некоторые из названных здесь в качестве негативов социальных явлений далеко не во всех современных нам странах, почитаемых развитыми и демократическими, осуждаются как порочные. Заметим также, что представление о свободе индивида прежде всего как о свободе выбора своего способа присутствия в сообществе равных себе является малоупотребимым в социологии. Содержание столь важной категории, какой является свобода, уже длительное время остается без должного развития.

Если же мы возьмем не одну, а несколько крупнейших эволюционных тенденций, например, помимо (а) исторического роста персональной свободы выбора выберем еще и (б) исторический рост населения Земли или (в) исторический рост производительности труда, (г) историческое сокращение среднего числа членов семьи, (е) рост больших городов, (ж) рост социального неравенства и т.п., то противоречивость этих тенденций станет еще более заметной. Например, исторический рост населения Земли ухудшает экологию среды обитания человечества, что, в свою очередь, препятствует этому росту, и это самое заметное внутреннее противоречие тенденции роста населения. Рост населения человечества приводит, в частнос-

ти, к росту мегаполисов. Именно там, прежде всего, реализуется свобода выбора, но в силу многочисленности населения больших городов свобода выбора сопровождается ростом неравенства и ростом конкуренции людей за наилучшие условия труда и вознаграждения. Труд и конкуренция за рабочие места сопровождается стрессами и переутомлением, ростом ранней смертности и числа самоубийств среди молодежи в странах с наибольшей динамикой экономического роста и в постсоветских странах [Демоскоп Weekly, 2012], и эта мировая тенденция усиливается. Рост избыточного неравенства, как полагают социологи, приводит к росту социальной напряженности [Юревич, 2013]. Так реализуется одно из противоречий роста населения и роста свободы выбора. Еще более сильным противоречием является сочетание роста персональных свобод внутри среднедоходной группы и исторического ослабления социально-экономической власти вследствие роста числа (измельчания) ее статусов. Опасность “бюрократического” вырождения власти в результате исторического роста производительности труда отмечалась нами ранее [Саенко, 2016: с. 192–193].

Таким образом, объективные условия не подвластны этике в силу своей объективности, но они также ускользают от однозначной оценки в силу своей внутренней и взаимной противоречивости. Да и может ли этика быть объективной? Можно ли уверенно говорить о том, что такое хорошо и что такое плохо в самом общем смысле? Мы уже почти готовы признать неоднозначность самой проблемы и невозможность ее решения. В итоге мы оказываемся в “умственном тупике”, куда уже не раз попадали исследователи-моралисты. Возможность применения норм этики для оценки самых крупномасштабных социальных действий самых влиятельных персон оказывается теоретически сомнительной.

Тем не менее, столь сложная практическая задача, каковой является применимость этических норм и законов к свободе персонального выбора в условиях объективного хода социальной эволюции, заставляет искать ее общего (универсального, теоретического) решения. Подчеркнем нетривиальность познавательной ситуации: объективные тенденции заведомо противоречивы, но законодательство и мораль практически реализуемы!

Законы и мораль конкретно-историчны, локальны, действуя в рамках государственных, конфессионных и этнических границ и формируясь ограниченным количеством экспертов (и населения) в ограниченном интервале исторического времени. По этой причине их объективность нам (в отличие от Канта) следует поставить под сомнение или, по крайней мере, признать менее фундаментальной, чем объективность самых общих тенденций социальной эволюции человечества. Но и эти общие тенденции мы только что признали противоречивыми (неоднозначными).

Формула, предложенная Кантом в качестве персональной максимы индивида, оказалась на удивление простой, чтобы не сказать — банальной: “поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом” [Кант, 2018: с. 182]. Формула Канта рационального действия индивида является плодом его многолетних размышлений, но она не убеждает нас. Если мы попытаемся применить ее, например, к проблеме этики распределения благ между участниками однородной социальной группы, то, возможно, не столкнемся с противоречиями. Однако если индивид на меже выживания окажется перед дилеммой распределения благ между среднедоходными

участниками общества (рабочими или инженерами), то конфликт этики равенства-братства, которой руководствуются большинство выживающих, и этики справедливости, соответствующей среднедоходной группе, будет неизбежным. Этика равенства и этика справедливости находятся также в попарном антагонизме с этикой распределения благ “по чинам” или по статусам, которая действует в иерархии социально-экономической власти. Подчеркнем фундаментальность упомянутого феномена *неединства* этики: принцип распределения совместно созданных благ является одним из самых важных в обществе, и его неуниверсальность весьма определенно гарантирует *неединство* представления о добре и зле.

Способы минимизации социального риска [Соціальні ризики, 2004] и способы распределения благ оказываются разными для разных социальных групп, поэтому мы имеем еще один аргумент в пользу утверждения, что в обществе нет и не может быть единой этики, действующей по всей вертикали социальной иерархии.

Усилим этот тезис тем, что нормы законов и практика их применения тоже должны существенно варьировать (и реально варьируют) вдоль социальной вертикали: что дозволено Зевсу, конечно же, непозволительно для быка. Между тем равенство людей перед законом (и заповедями Божьими) многие столетия философы (в том числе Кант) не смели подвергать сомнению. Их и сейчас моралисты и юристы не смеют опровергать, но реальное законодательство пишется с учетом особой роли каждой крупной социальной группы (каждого особого образа жизни, способа создания и потребления благ и т.п.). Иногда, как мы знаем, законы могут утверждаться даже под разовые социальные проекты и разовые экономические сделки. В качестве весьма убедительного примера общей картины неоднородного действия законов сошлемся на график зависимости параметра налоговой нагрузки (заплаченный налог с гривны декларированного дохода) от логарифма декларированного дохода для всех налогоплательщиков Украины, приведенный в статье С.Лекаря [Лекарь, 2012]. Этот график может быть объективным идентификатором социальной структуры Украины, хотя наше налоговое законодательство создавалось и создается с учетом только вида собственности и способа получения дохода. Как оказалось, у богатых и бедных граждан радикально разные виды собственности и образы жизни, и по этой причине на них действуют разные законы.

Здесь мы должны вновь обратиться к триаде “группа выживающих — среднедоходная группа — власть” как к основополагающему эмпирическому факту. Технология идентификации социальных групп может иметь объективные основания. Как упоминалось, их можно различать по специфическим способам и объемам производства и потребления благ, измеряемым в деньгах. Наилучшим источником такого рода исходной информации является обезличенная налоговая статистика бизнеса и физических лиц. Обработка налоговой статистики Украины [Лекарь и др., 2007, 2011], США [Dragulescu, Yakovenko, 2001], Японии [Чеботарев, 2004] приносит свои результаты. Наличие объективной информации о социально-экономической неоднородности дает нам существенные преимущества перед нашими предшественниками, которые потерпели неудачу в поисках генерального критерия и универсального содержания традиционных категорий этики.

Заметим, что: основной закон чистого практического разума, предложенный Кантом, методологически построен так, что в идеале он (и соответственно действие индивида) сводится к категорическому императиву. Свобода воли рационально используется для следования требованиям закона. Свобода как осознанная необходимость — это свобода и согласно И.Канту, и согласно его великому предшественнику Б.Спинозе.

В качестве иллюстрации безнадежности попытки отыскать единые контенты, формулы и дефиниции наиболее ответственных и нагруженных этических категорий — добра и зла, добродетели, порока, долга, обязанности — сошлемся на исследования Дж.Мура, состоявшиеся более чем через век после И.Канта. В своей книге “Принципы этики” [Мур, 1984] Мур наибольшее внимание уделил анализу дефиниций добра, представленных в истории этики, и пришел к заключению, что все они ошибочны. В итоге Мур приходит к следующему суждению: “Наибольшими ценностями, какие мы знаем или можем себе представить, являются определенные состояния сознания, которые в общих чертах можно определить как удовольствие общения с людьми и наслаждение прекрасным” [Мур, 1984: с. 281]; или же такому: блага “основаны на любви к прекрасному и к хорошим людям” [Мур, 1984: с. 322]. Беспомощность Мура способна вызвать сомнение в самих основаниях нашего предмета: возможно ли вообще универсальное содержание в основных категориях этики?

Методологически проблема объективной этики оказывается настолько сложной, что ее разрешение в рамках традиционных подходов представляется нереальным.

Центральная парадигма теории этики и ее обсуждение

На данный момент у нас остаются нерешенными три проблемы — (1) отсутствие единой этики для всей высоты социальной вертикали, (2) неприменимость этики к самым крупномасштабным (цивилизационного толка) объективным процессам в человечестве, а также (3) взаимная и внутренняя противоречивость основных эволюционных процессов. Попробуем разрешить эти проблемы аксиоматическим путем, посредством мотивированного постулирования, то есть поступим точно так же, как поступали все наши предшественники, в частности И.Кант и Дж.Мур.

Из всех известных нам крупномасштабных эволюционных процессов выделим объективный процесс роста общей численности населения Земли как самый существенный. Будем считать его этически позитивным, абстрагируясь от всех сопутствующих ему негативов (ухудшения природной среды и роста социальных проблем в мегаполисах и т.п.) как менее важных и значимых. Так и есть на самом деле — человечество растет именно потому, что все препятствующие этому факторы менее значимы. Тем самым мы снимаем проблемы (2) и (3), названные выше. Откажемся от поиска универсального критерия этики, применимого ко всему обществу, и тем самым мы снимем проблему (1). Будем рассматривать упомянутый рост населения как генеральный критерий этики для оценки самых масштабных социальных действий участников национальных иерархий, в том числе цивилизационного выбора. Если какая-то нация (народ, этнос) оказалась в условиях демографического перехода и объективно сокращает свое население, то по-

зитивный цивилизационный выбор должен способствовать замедлению депопуляции населения или даже обращению ее вспять на некоторое время.

В пользу выбранного нами генерального критерия этики выскажем следующие доводы. Во-первых, критерий роста населения самый естественный: если условия жизни какой-либо популяции животных хороши, то она уверенно размножается. Во-вторых, предлагаемый критерий подчеркивает демографическую выделенность человечества: homo sapiens — единственный вид живого на Земле (если не учитывать домашних животных и домашних паразитов человека), имеющий биомассу, существенно превышающую ограничения, которые налагаются степенным законом распределения всех участников биосферы Земли — от бактерий и насекомых до китообразных (сошлемся на С.Капицу, цит. в: [Мур, 1984: с. 25–27]). Названная выделенность является результатом непрерывного (в течение многих тысячелетий) роста человечества. В-третьих, предлагаемый генеральный критерий этики способен породить разветвленную последовательность соподчиненных созвучных ему критериев этики, обслуживающих генеральную идею роста всемирной популяции людей. Предлагаемый нами демографический критерий способен стать стержнем, базой, фундаментом для восстановления на его основе подавляющего большинства современных этических норм и законов. Хорошо и благодатно то, что укрепляет тенденцию к росту или удержанию численности населения. Это главное добро. Негативно все, что препятствует росту, сокращает или ускоряет сокращение населения, — это главное зло. Наконец отметим, что критерий роста населения как главного добра существенно предпочтительнее всех других возможных индикаторов стрелы исторического времени человечества и одновременно кандидатов на роль центральной парадигмы этики. Назовем их еще раз: исторический рост производительности труда, сокращение среднего числа членов семьи, рост персональной свободы выбора, рост больших городов, рост социального неравенства и т.д.

Подчеркнем, что мы ограничиваем применение выдвигаемого нами генерального критерия этики только рамками одной ключевой социальной группы — высшей иерархии власти, но именно она производит цивилизационный выбор. Аксиому о позитивности роста общей численности населения Земли или численности какого-либо этноса будем называть “центральной парадигмой теории этики”. Термин “парадигма” здесь используется в смысле “крупная концепция”, “главный постулат”, “главная аксиома”. Предлагаемая нами центральная парадигма — аналог формулы рационального социального действия, предложенного И.Кантом. Новым наименованием этой категории мы хотели бы подчеркнуть ее аксиоматическую природу. Из нескольких возможных вариантов самых важных эволюционных процессов в качестве эталонного мы избираем наиболее удобный и эвристичный. Мы отказываемся от “основного закона чистого практического разума” Канта, но тщательно мотивируем наш выбор, предоставляя нашим научным оппонентам максимальные возможности для пересмотра выдвигаемого нами генерального критерия блага.

Обсудим предложенную здесь центральную парадигму теории этики. Подчеркнем еще раз, что в методологическом (гносеологическом, когнитивном) плане мы поступаем тем же формальным способом, как и было принято поступать в теории этики: мы “вручную” вводим его. В качестве гене-

рального критерия этики мы избрали самый масштабный эволюционный процесс, эмпирически наблюдаемый в человечестве. И это очень существенное отличие нашей попытки построения теоретической этики от попыток Канта и Мура. Наша парадигма вводится в абсолютном формате, как у Мура, но не в относительном, как у Канта. Наша парадигма изначально полагается ограниченной применением только для участников иерархии власти (прежде всего для высших иерархов), в то время как свои критерии этики Кант и Мур полагали применимыми ко всему обществу. Предлагаемая нами центральная парадигма этики, как и “основной закон чистого практического разума” Канта и “наивысшая ценность” Мура, формируется именно как теоретическая категория, в то время как практическая этика и практическое право свои базисные нормы с древнейших времен нащупывают, модифицируют и применяют методом проб и ошибок. Неосновательные в теоретически строгом смысле, они получают широчайшее и продуктивнейшее применение в реальной социальной жизни.

Применение какого-либо принципа для участников социальной иерархии означает на самом деле довольно серьезные общие требования к этому принципу. Речь прежде всего о самоподобии: свойства любого малого фрагмента иерархии должны быть подобными свойствам иерархии в целом [Гелашвили, s.a.], поэтому предлагаемая нами парадигма должна иметь возможность однородным образом применяться не только для высших иерархов, но и в любом малом фрагменте иерархии. Если иерархия в целом в результате позитивного цивилизационного процесса увеличивает население, то тем самым она увеличивает число нижних чинов в своем основании, а также число нижних чинов в основаниях всех ее возможных малых фрагментов. Таким образом, предлагаемая нами парадигма удовлетворяет важному требованию самоподобия социальной иерархии.

Наша парадигма должна соответствовать также исторической эволюции иерархии власти. Чтобы убедиться в этом, оценим энтропию иерархии, которая равна (как обычно) логарифму числа возможных способов ее построения [Корн, 1973: с. 558–559]. Число возможных способов, в свою очередь, должно быть близким к числу перестановок в самом нижнем и самом многочисленном статусе исполнителей: власть, организуя активность “нижних чинов”, выбирает и меняет лидеров локальных задач. Поэтому энтропия иерархии должна быть близкой к величине $\ln N!$, где N — количество участников основания иерархии, а $N!$ — число перестановок в статистическом ансамбле с различимыми элементами (участниками) [Корн, 1973: с. 567]. Эволюция равновесного или почти равновесного статистического ансамбля направлена в сторону увеличения его энтропии, поэтому предлагаемая нами центральная парадигма этики соответствует позитивной оценке главного эволюционного процесса в иерархии — роста числа нижних чинов. Предприятия в случае успехов экономической деятельности и миграции увеличивают число работников, города — число жителей, поставки — число потребителей, а государства — число граждан. Процессы, в результате которых число “нижних чинов” уменьшается, развиваются вопреки естественному ходу независимых случайных событий и должны рассматриваться как общественное зло.

Основной закон чистого практического разума Канта теперь мы могли бы переформулировать, используя вербальную конструкцию ее автора: “по-

ступай так, чтобы в конечном итоге способствовать приросту численности зависимого от тебя населения”. Предлагаемая нами парадигма, избирающая рост населения в качестве главного позитива участника иерархии власти, позволяет выверить по нему многие другие ценности реального общества. Благом оказывается все, что способствует росту населения, в том числе меры по укреплению семьи, здоровья, занятости, христианской веры, сохранения личной и частной собственности, меры по снижению криминальности, меры по поддержанию внутривнутриполитической и экономической стабильности в обществе и т.д., и т.п.

Еще совсем недавно, во второй половине XX века, сверхбыстрый рост населения Земли воспринимался как реальная опасность перенаселения. Многие страны принимали тогда особые меры по сокращению рождаемости. Если бы в то время мы выдвинули прирост населения в качестве главного социального блага, то вряд ли бы нашли понимание коллег. Тем более неприемлемой была бы наша этическая парадигма во времена Т. Мальтуса — И. Канта, когда обсуждалась проблема всемирного голода в связи с опасностью перенаселенности Земли. Сейчас уже большинству социологов и демографов стала очевидной самоограниченность сверхбыстрого роста человечества. Опасения Мальтуса оказались напрасными. Более того, есть реальная опасность, что демографический переход завершится не стабилизацией населения Земли, а породит стремительную всемирную депопуляцию (сошлемся на наше недавнее исследование [Ожован, 2016]). В этих условиях предлагаемая нами позитивность прироста, сохранения или хотя бы уменьшения темпов падения численности соотечественников в качестве главного цивилизационного блага вряд ли покажется ложной абстракцией. В связи с усилением межконтинентальной и региональной миграции людей в наше время надо отметить, что предлагаемый нами критерий блага должен пониматься как позитивность прироста собственного, а также ассимилируемого населения.

Таким образом, в преддверии завершения всемирного демографического перехода и в связи с завершением де-факто многих национальных демографических переходов, в частности в Украине, мы должны понизить критерий позитивной оценки: самые масштабные социальные действия лидеров национальных иерархий (в том числе в рамках цивилизационного выбора) должны уменьшать скорость естественной убыли населения и числа работников. Каким путем? — Через уменьшение эмиграции собственного населения, управляемый рост иммиграции населения извне, увеличение рождаемости и уменьшение смертности и т.д. Социум Украины находится именно в состоянии завершения демографического перехода, когда уже началась и нарастает естественная убыль коренного населения. По этой причине общая этическая оценка успеха цивилизационного выбора Украины должна определяться через снижение рисков утраты нашего населения.

Подчеркнем — мы говорим о людях, фактически проживающих в стране, фактически работающих в ней и фактически участвующих в ее социальной жизни. Если наш соотечественник живет и работает за рубежом, то это утрата для нашего социума, бизнеса и государства. Заметим, что демографические риски должны иметь ту же размерность, что и обычные социальные риски (суммарное число утраченных социальных позиций за единицу времени [Лощинин, 2004: с. 271–333]). По этой причине совокупный национальный социальный риск окажется аддитивной величиной и может быть

подсчитан. Подчеркнем еще и в этой связи, что предлагаемая здесь новая парадигма этики естественным образом связана не только со свойствами иерархии, но и с разработанной нами ранее теорией социальных рисков. Таким образом, предлагаемая нами теоретическая схема демонстрирует хорошую надежность, хотя, по-видимому, не выглядит простой.

Постулирование этической позитивности объективного процесса, как-вым является рост населения Земли, в познавательном смысле выглядит все-таки не вполне убедительным. Мы уже отмечали нашу веру в гуманитарное социальное, экономическое и т.п. знание как науку стандартную и уже упоминали, что объективные законы не нуждаются в этической оценке. Здесь нам бы хотелось указать на важные нюансы, сближающее гуманитарное знание с естественными науками и в вопросе об этике объективного. Человек является не только субъектом и объектом гуманитарных наук. Как наблюдатель и как исследователь он фигурирует и в науках естественных. Научные публикации предполагают реквизиты авторов и описание методов анализа, где много субъективного. Выбор известных законов для описания и интерпретации научных результатов, а также вывод новых законов тоже субъективны. Научные результаты весьма продолжительное время остаются персональными, пока под давлением новых созвучных им результатов массовое сознание специалистов не канонизирует их. Более новые законы и предшествующие им существуют одновременно, и их выбор учеными и практиками регулируется не только исследовательскими задачами, но и научной этикой.

Может быть, наши коллеги и оппоненты сочтут неприемлемо сложными наши рассуждения. В ответ мы должны возразить, что поиски теоретического критерия блага, предпринимаемые, в частности, Кантом и его последователями на протяжении столетий, были, с нашей точки зрения, безуспешными, и возможное решение этой проблемы заведомо не будет простым. Вспомним для сравнения, как формировалась в мире единая система мер длины: она начиналась от антропомерных единиц типа “стадии”, “фута”, “шага”, “локтя”, “пяди”, “аршина”, “сажени” и т.д., пригодных для простейших практических применений (когда эталоны длины были буквально “под руками” и “под ногами”), но очевидно не универсальных. Затем появилась универсальная геомерная единица длины “метр”, привязанная сначала к длине отрезка долготы, а затем к длине экватора Земли. Эволюция мер продолжалась далее в борьбе за точность, и в итоге современный эталон метра с 1983 года привязан уже не к длине Земных мер, а к скорости света и частоте электромагнитных колебаний. Метр — это расстояние, проходимое светом в вакууме за $1/299\,792\,458$ долю секунды (см., напр.: статью “Метр” в Википедии). Надо думать, что сейчас мы используем далеко не последние дефиниции и способы измерения единичной длины, поскольку эволюция системы мер продолжается. Аналогично можно предполагать, что развиваемая в данной работе концепция этической базы (критерия, центральной парадигмы этики) в случае ее признания будет так же относиться к основному закону чистого практического разума Канта, как метр к аршину. И нам ясно, что предлагаемая нами парадигма в любом случае не будет ни вечной, ни последней, поскольку впереди нас ожидают новые фазы эволюции человечества и новые подвижки в теории добра и зла.

Несмотря на то, что выдвигаемый нами критерий непосредственно (“в реальном времени”) предназначен для этической оценки самых крупных со-

циальных действий национальных лидеров, окончательное заключение об эффективности этих действий невозможно установить сразу. Требуется гораздо больший интервал времени, чтобы стали очевидными последствия тенденций, которые в настоящее время характеризуются всего лишь как “возможный выигрыш” и “возможный ущерб”. О каком интервале времени должна идти речь? По-видимому, настает момент, когда мы должны предложить проект решения проблемы о соотношении исторического и эволюционного, поскольку анализируемый здесь цивилизационный выбор может быть оценен именно как эволюционный процесс.

Мы уже обсуждали особую важность главного эволюционного процесса, в котором пребывает человечество, — исторического роста населения Земли. Этот рост параметризуется характерным временем, равным 45 годам [Капица, 2010: сс. 37, 53, 64–66]. Демографический смысл этой временной константы пока не вполне ясен, но ее объективность несомненна: она определяет время демографического перехода человечества, время завершения сверхбыстрого квадратичного роста. Именно в это время мы живем. Второй кандидат на характерное время — репродуктивный период человека (среднее время смены поколений, равное 21 году) — оказался ненужным для уравнений роста, и во всех смыслах представляется неподобающе малым. Третья группа времен — времена исторических эпох — характеризуется быстрым возрастанием временных интервалов от нашего времени вглубь веков. Критерий этих временных интервалов — равенство суммарного количества людей, живших в их рамках [Капица, 2010: сс. 68–76]. Наша историческая эпоха оказывается самой короткой. По этой причине мы располагаем единственным капитальным критерием временного лага 45 лет для окончательной оценки последствий цивилизационного выбора как фактора национальной эволюции в наше историческое время.

Как конкретно происходит трансформация исторических событий (дат, персон, деяний) в обезличенные эволюционные сдвиги, описываемые в самых общих категориях? — (1) Через смену национальных лидеров, когда власть и оппозиция многократно меняются местами; (2) через отмирание самых главных объединяющих идей, которое обычно происходит вместе с естественной смертью их носителей; (3) через многократную смену геополитической конъюнктуры вокруг государства и этноса.

Эволюция центральной парадигмы теории этики

Заглянем в ближайшее будущее и обсудим возможную эволюцию предлагаемой нами центральной парадигмы теории этики. Общим фоном для этого, конечно же, будет завершение исторического роста человечества. По отношению к развитым странам и регионам это будет означать исчерпание не только собственного трудового ресурса, но и притока трудоспособного населения извне. Экономисты будут вынуждены признать, что главным источником национального экономического роста являются не инвестиции, а рост экономически активного населения, который к тому времени уже иссякнет. Впервые в истории человечества трудовой ресурс в целом станет важнее минерального. В этих условиях усилится борьба государств за трудоспособное население, которая не будет ограничиваться “цивилизованными” средствами, и в духе бесстыдств XXI века не остановится ни перед чем

ради изгнания людей из конкурирующих регионов в свою пользу. Языковые, религиозные, культурные различия людей будут утрачивать значение, но одновременно усилится проблема отбора людей, еще пригодных — в силу должной ответственности — к интенсивному труду в больших коллективах. Проблема недостаточной персональной ответственности в новых поколениях работников усилится прежде всего в связи с тем, что семьи, в которых они получают самое первое и самое эффективное воспитание, исторически слабеют. Всемирный демографический переход человеческая семья встречает уже в “полуживом” состоянии.

Предложенная нами центральная парадигма, как мы ожидаем, исторически будет смещаться в сторону принципа привлечения трудоспособного и социально ответственного населения, но не населения вообще. По-видимому, именно Евросоюз должен первым продвигать эту парадигму. Он или научится сепарировать поток иммигрантов, отбирая и обучая лучших, или погибнет под этим потоком, в настоящее время почти неуправляемым.

Интересно проследить исторические тенденции в среде участников социальных иерархий — субъектов предлагаемой нами этики. Историческое время в созданные нами математические модели вносится посредством временной зависимости малых параметров с размерностью “благо”, “поток благ” и “люди”. Малый параметр с размерностью “люди” формируется, по всей видимости, семейными коллективами (где воспитываются новые люди), а затем становится основой архитектуры социальных иерархий всех типов. Историческое уменьшение малого параметра численности (размера домохозяйств) приводит к росту числа статусов в социальной иерархии и к увеличению количества благ, необходимых для ее построения — власть с течением времени растет вверх и дорожает. В исторической перспективе уменьшение этого малого параметра ослабляет силу власти, оперативность и адекватность ее реакции на изменение социальной обстановки, а также ухудшает ответственность ее участников. Гипертрофированно выросшая власть не столько организует, сколько утомляет народ бесплодной суетой. Со временем власть становится все дороже, но действует все менее адекватно — такова наша гипотеза об исторической эволюции иерархии. В этих условиях современный цивилизационный выбор, протекающий в исторически короткий срок, потенциально опасен непродуманностью и даже безответственностью стратегически важных решений.

В связи с историческим ослаблением силы иерархии, наиболее масштабные социальные действия наиболее властных персон медленно, но верно утрачивают эффективность. Традиционно эта “болезнь” называется бюрократией, но наш анализ указывает на ее необратимый и весьма опасный характер: власть в ходе своей исторической эволюции проявляет склонность к ослаблению, а в конце эволюции — к вырождению. Если этот процесс реализуется так, как следует из наших теоретических схем, то утрата надежности управления сначала будет происходить на самых высоких уровнях иерархии, а затем деградация управления поразит даже невысокие. С учетом феномена медленной деградации верховной власти субъектами предлагаемой нами этической парадигмы будут лидеры исторически снижающихся уровней управления, и их возможности по улучшению демографических характеристик подконтрольной части населения будут все более ограниченными.

Источники

Белл, Д. (1999). Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва: Academia.

Гелашвили, Д. Б., Иудин, Д. И., Розенберг, Г. С., Якимов, В. Н., & Шурганова, Г. В. (2004). Степенной закон и принцип самоподобия в описании видовой структуры сообществ. *Поволжский экологический журнал*, 3, 227–245.

Глэшоу, Ш. Л. (2002). *Очарование физики*. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика.

Горбачев, В. В. (2003). *Концепции современного естествознания*. Москва: Оникс 21 век.

Гусейнов, А. А. (Ред.). (2003). *История этических учений*. Москва: Гардарики.

Демоскоп Weekly (2012, 17–30 вересня). Отримано з www.demoscope.ru/weekly/2012/0523/index.php.

Ждановский, А. П. (2003). Свобода воли. В А. А. Грицанов (Ред.), *Новейший философский словарь* (3-е изд., исправл.) (с. 602). Минск: Книжный дом.

Иванова, А. Е., Сабгайда, Т. П., Семенова, В. Г., Антонова, О. И., Никитина, С. Ю., Евдокушкина, Г. Н., & Черновавский, М. В. (2011). *Смертность российских подростков от самоубийств*. Москва: ЮНИСЕФ.

Кант, И. (2018). Критика чистого разума. Критика практического разума. Критика способности суждения. Москва: Эксмо.

Капица, С. (2010). *Парадоксы роста: законы развития человечества*. Москва: Альпина нон-фикшн.

Корн, Г., Корн, Т. (1974). Справочник по математике (для научных работников и инженеров). Москва: Наука.

Лекарь, С. (2012). К вопросу о создании больших обезличенных неагрегированных баз данных о потреблении, производстве и распределении главных ресурсов. *Український журнал "Економіст"*, 3, 19–24.

Лекарь, С., Привалов, Ю., & Лощинин, М. (2007). Сопоставление статистик бизнеса и физических лиц. *Український журнал "Економіст"*, 10, 12–28.

Лекарь, С., Привалов, Ю., Шабанов, В., & Лощинин, М. (2011). Неоднородность поселенчества: социально-экономический аспект. *Український журнал "Економіст"*, 6, 4–30.

Лощинин, М. (2004). Персональный и коллективный социально-экономические риски в принципиально неоднородном социуме. В Ю. І. Саенко & Ю. О. Привалов (Ред.), *Соціальні ризики* в 2 т. Т. 2 (с. 271–333). Київ: Фоліант.

Метр (б. д.). В *Wikipedia*. Отримано з <https://uk.wikipedia.org/wiki/Метр>.

Мизес, Л. фон (2001). Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. Москва: Юнити-Дана.

Мур, Дж. Э. (1984). *Принципы этики*. Москва: Прогресс.

Ожован, М. И., & Лощинин, М. Б. (2015). Эвристические парадоксы теоретической демографии С. П. Капицы. *European Researcher. Series A*, 92(3), 237–248. <http://dx.doi.org/10.13187/er.2015.92.237>.

Поппер, К. Р. (2002). *Объективное знание. Эволюционный подход*. Москва: Эдиториал УРСС.

Привалов, Ю. А., Ожован, М. И., & Лощинин, М. Б. (2016). Феномен запертого выживания. *European Researcher. Series A*, 106(5), 293–314. <http://dx.doi.org/10.13187/er.2016.106.293>.

Саенко, Ю. (Ред.). (2016). *Соціальний капітал: теорія й практика*. Київ: Ліга-Прес.

Саенко, Ю. І., & Привалов, Ю. О. (Ред.). (2004). *Соціальні ризики* в 2 т. Т. 2. Київ: Фоліант.

Свобода воли в религии (б. д.). В *Wikipedia*. Отримано з https://ru.wikipedia.org/wiki/Свобода_воли_в_религии.

Соціальні ризики в 2 т. Т. 2. Київ: Фоліант.

Стрелков, В. И. (2004а). Руссо. В. А. А. Ивин (Ред.), *Философия: Энциклопедический словарь* (с.с. 742–744). Москва: Гардарики.

Стрелков, В. И. (2004б). Сартр. В. А. А. Ивин (Ред.), *Философия: Энциклопедический словарь* (с.с. 749–751). Москва: Гардарики.

Франк-Каменецкая, Т. Д. (1971). Переписка А. Эйнштейна и М. Борна. *Успехи физических наук*, 104, 522–526. <http://dx.doi.org/10.3367/UFN.0104.197107i.0522>.

Харари, Ю. Н. (2016). *Sapiens: краткая история человечества*. Москва: Синдбад.

Чеботарев, А. (2004). Распределение плотности населения по величине контролируемого потока в иерархической модели экономики является распределением Парето с показателем 1. *Український журнал “Економіст”*, 12, 64.

Юревич, А. В., Журавлев, А. Л., & Юревич, М. А. (2013). Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности России. *NB: Национальная безопасность*, 2, 182–202. <http://dx.doi.org/10.7256/2306-0417.2013.2.550>.

Dragulescu, A., & Yakovenko, V. M. (2001). Exponential and power-law probability distributions of wealth and income in the United Kingdom and the United States. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 299(1–2), 213–221.

[http://dx.doi.org/10.1016/S0378-4371\(01\)00298-9](http://dx.doi.org/10.1016/S0378-4371(01)00298-9).

Материал поступил 12.01.2019

References

Bell, D. (1999). *The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Academia. [= Белл 1999].

Chebotarev, A. (2004). A controlled-flow distribution of population density in a hierarchical economic model is the Pareto distribution with exponent 1. [In Russian]. *Ukrainian Journal “Economist”*, 12, 64. [= Чеботарев 2004].

Demoscope Weekly (2012, September 17–30). [In Russian]. Retrieved from www.demoscope.ru/weekly/2012/0523/index.php. [= Демоскоп Weekly 2012]

Dragulescu, A., & Yakovenko, V. M. (2001). Exponential and power-law probability distributions of wealth and income in the United Kingdom and the United States. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 299(1–2), 213–221.

[http://dx.doi.org/10.1016/S0378-4371\(01\)00298-9](http://dx.doi.org/10.1016/S0378-4371(01)00298-9).

Frank-Kamenetskaya, T. D. (1971). The Born–Einstein letters. [In Russian]. *Physics-Uspekhi (Advances in Physical Sciences)*, 104, 522–526.

<http://dx.doi.org/10.3367/UFN.0104.197107i.0522>. [= Франк-Каменецкая 1971]

Free will in theology (n. d.). In *Wikipedia*. [In Russian]. Retrieved from https://ru.wikipedia.org/wiki/Свобода_воли_в_религии. [= Свобода воли]

Gelashvili, D. B., Iudin D. I., Rozenberg, G. S., Yakimov, V. N., & Shurganova, G. V. (2004). Power law and self-similarity principle in the description of communities' species structures. [In Russian]. *Povolzhskiy Journal of Ecology*, 3, 227–245. [= Гелашвили 2004]

Glashow, Sh. L. (2002). *The charm of physics*. [In Russian]. Izhevsk, Russian Federation: Regular and Chaotic Dynamics Press. [= Глэшоу 2002]

Gorbachev, V. V. (2003). *Conceptions of modern natural history*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Oniks 21 vek. [= Горбачев 2003]

Guseinov, A. A. (Ed.). (2003). *History of ethical doctrines*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Gardariki. [= Гусейнов 2003]

Harari, Yu. N. (2016). *Sapiens: a brief history of humankind*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Sindbad. [= Харари 2016]

Ivanova, A. Ye., Sabgaida, T. P., Semenova, V. G., Antonova, O. I., Nikitina, S. Yu., Yevdokushkina, G. N., & Chernobavskii, M. V. (2011). *Suicide mortality among Russian teenagers*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: UNICEF. [= Иванова 2011]

Kant, I. (2018). *Kritik der reinen Vernunft. Kritik der praktischen Vernunft. Kritik der Urteilkraft*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Eksmo. [= Кант 2018]

Kapitsa, S. (2010). *Paradoxes of growth: Laws of global development of humanity*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Alpina Non-Fiction. [= Капица 2010]

Korn, G., Korn, T. (1974). *Mathematical handbook for scientists and engineers*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Nauka. [= Корн 1974]

Lekar, S. (2012). Creating big anonymised non-aggregate databases on production, consumption and distribution of key resources. [In Russian]. *Ukrainian Journal "Economist"*, 3, 19–24. [= Лекарь 2012]

Lekar, S., Privalov, Yu., & Loshchinin, M. (2007). A comparison of statistics for business with those for natural persons. [In Russian]. *Ukrainian Journal "Economist"*, 10, 12–28. [= Лекарь 2007]

Lekar, S., Privalov, Yu., Shabanov, V., & Loshchinin, M. (2011). Settlement heterogeneity: a socio-economic aspect. [In Russian]. *Ukrainian Journal "Economist"*, 6, 4–30. [= Лекарь 2011]

Loshchinin, M. (2004). Personal and collective socio-economic risks in a basically heterogeneous society. [In Russian]. In Yu. I. Saienko & Yu. O. Pryvalov (Eds.), *Social risks* in 2 vol. Vol. 2 (pp. 271–333). Kyiv, Ukraine: Foliant. [= Лощинин 2004]

Metre (n. d.). In *Wikipedia*. [In Ukrainian]. Retrieved from <https://uk.wikipedia.org/wiki/Метр>. [= Метр]

Moore, G. E. (1984). *Principia ethica*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Progress. [= Мур 1984]

Ojovan, M. I., & Loshchinin, M. B. (2015). Heuristic paradoxes of S. P. Kapitsa's theoretical demography. [In Russian]. *European Researcher. Series A*, 92(3), 237–248. <http://dx.doi.org/10.13187/er.2015.92.237>. [= Ожован 2015]

Popper, K. R. (2002). *Objective knowledge: an evolutionary approach*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Editorial URSS. [= Поппер 2002]

Privalov, Yu. A., Ojovan, M. I., & Loshchinin, M. B. (2016). The phenomenon of locked survival. [In Russian]. *European Researcher. Series A*, 106(5), 293–314. <http://dx.doi.org/10.13187/er.2016.106.293>. [= Привалов 2016]

Saienko, Yu. (Ed.). (2016). *Social capital: theory and practice*. [In Ukrainian]. Kyiv, Ukraine: Liga-Pres. [= Саєнко 2016]

Saienko, Yu. I., & Pryvalov, Yu. O. (Eds.). (2004). *Social risks* in 2 vol. Vol. 2. [In Ukrainian]. Kyiv, Ukraine: Foliant. [= Саєнко 2004]

Strelkov, V. I. (2004a). Rousseau. [In Russian]. In A. A. Ivin (Ed.), *Philosophy: an encyclopedic dictionary* (pp. 742–744). Moscow, Russian Federation: Gardariki. [= Стрелков 2004a]

Strelkov, V. I. (2004b). Sartre. [In Russian]. In A. A. Ivin (Ed.), *Philosophy: an encyclopedic dictionary* (pp. 749–751). Moscow, Russian Federation: Gardariki. [= Стрелков 2004b]

von Mises, L. (2001). *Theory and history: an interpretation of social and economic evolution*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Unity-Dana. [= фон Мизес 2001]

Yurevich, A. V., Zhuravlev, A. L., & Yurevich, M. A. (2013). Excessive income inequality as a threat to Russia's national security. [In Russian]. *NB: National Security*, 2, 182–202. <http://dx.doi.org/10.7256/2306-0417.2013.2.550>. [= Чеботарев 2013]

Zhdanovskii, A. P. (2003). Free will. [In Russian]. In A. A. Gritsanov (Ed.), *The new philosophical dictionary* (3rd ed., Rev.) (p. 602). Minsk, Belarus: Knizhnyi dom. [= Ждановский 2003]

Received 12.01.2019

МИХАЙЛО ЛОЩІНІН, ЮРІЙ ПРИВАЛОВ, ЮРІЙ САПЕЛКІН

Етичні критерії цивілізаційного вибору

У статті розглядається розуміння цивілізаційного вибору як послідовності політичних, соціальних, культурних та інших історичних подій. Подається оцінка масштабу соціальних дій, націлених на цивілізаційний розворот суспільства. Автори здійснюють спробу оцінити ризики цивілізаційного вибору уздовж соціальної вертикалі, використовуючи розроблені раніше теоретичні моделі соціальних ризиків для соціально неоднорідного суспільства. В перебігу дослідження розглянуто різні феномени, суттєві розв'язанню проблеми етики цивілізаційного вибору.

Ключові слова: цивілізаційний вибір, соціальні ризики, свобода, еволюція, етична оцінка

МИХАИЛ ЛОЩИНIN, ЮРИЙ ПРИВАЛОВ, ЮРИЙ САПЕЛКИН

Этические критерии цивилизационного выбора

В статье рассматривается понимание цивилизационного выбора как последовательности политических, социальных, культурных и других исторических событий. Излагается оценка масштаба социальных действий, нацеленных на цивилизационный разворот общества. Авторы предпринимают попытку оценить риски цивилизационного выбора вдоль социальной вертикали, используя разработанные ранее теоретические модели социальных рисков для социально неоднородного общества. В ходе исследования рассматриваются различные феномены, сопутствующие решению проблемы этики цивилизационного выбора.

Ключевые слова: цивилизационный выбор, социальные риски, свобода, эволюция, этическая оценка

MYKHAYLO LOSHCHININ, YURII PRIVALOV, YURIY SAPELKIN

Ethical criteria of civilization choice

The article discusses the understanding of civilizational choice as a sequence of political, social, cultural and other historical events. An assessment is made of the scale of social actions aimed at the civilizational reversal of society. The authors attempted to assess the risks of civilizational choice along the social vertical, using previously developed theoretical models of social risks for a socially heterogeneous society. In the course of the study, different phenomena related to the solution of the problem of ethics of civilizational choice were considered.

Keywords: civilizational choice, social risks, freedom, evolution, ethical assessment